

**ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ПОЛЯ ГИБАЛЯ
О ТОРГОВЛЕ, УСТРОЙСТВЕ ТАМОЖЕН И КАРАНТИНОВ
НА ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННЫХ К РОССИИ
ТЕРРИТОРИЯХ КАВКАЗА В 1818–1819 гг.
(по архивным документам на французском языке)**

Настоящая статья является продолжением изучения исторического источника на французском языке¹, хранящегося в РГАДА под названием «Записки неизвестного лица о путешествии по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820»².

Ко времени написания статьи эта рукопись в полном переводе на русский язык, с подробными комментариями и вступительными статьями опубликована³. Многосторонний источник, каким является рукопись, предоставляет возможность изучать различные аспекты жизни на южных территориях, присоединенных к России в начале XIX столетия, в частности, вопросы, заявленные в заглавии данной статьи. Темой исследования является состояние торговли и всех, связанных с нею аспектов, в княжествах Черноморского побережья Кавказа (Абхазии, Мингрелии, Имеретии) в 1818–1819 гг., на которые пришлось путешествие Поля Гибалья, подданного Российской империи, француза по происхождению, чиновника в ведомстве генерал-аншефа Николая Яковлевича Трегубова, исполнявшего должность председателя Одесского коммерческого суда в 1811–1820 гг.

Путешествие Гибалья из Керчи в Абхазию, Мингрелию и Имеретию имело важную цель собрать сведения о торговле и природных богатствах этих княжеств, в частности, о строевом лесе, стратегически необходимом для строящегося в России флота. Оно проходило по морю и по суше с 30 сентября 1818 г., когда Гибаль выехал на борту шхуны «Черкешенка» из Керчи в Сухум, до 11 августа 1819 г. (возвращение из Сухума в Севастополь). Рукопись Гибалья поступила в Коллегию иностранных дел. Содержащиеся в ней сведения об Абхазии, Мингрелии и Имеретии стали известны управляющему гражданской частью в Грузии (в 1820–1826 гг.) генералу А. П. Ермолову, которые он, как и его последователи, использовал в своей реформаторской и цивилизаторской деятельности в этом регионе⁴.

Конкретные вопросы, связанные с состоянием торговли на Черноморском побережье Кавказа, рассматриваются в четырех главах. Автор описывает торговлю и всё с ней связанное не просто в качестве отрасли экономики, но как основу и движущую силу промышленного, сельскохозяйственного, социально-культурного и политического развития региона. Он увидел соотношение между уровнем торговли и состоянием экономики, внутреннего политического устройства, общей культуры в княжествах и выразил мнение, что развитие торговли является единственным путем к прогрессу княжеств во всех областях жизни. Их правовое положение, состояние внутренней и внешней политики,

уровень и темпы экономического развития, культура, традиции, по наблюдениям Гибаля, не несли больших различий. Поэтому рассказ об одном из княжеств можно без труда соотнести с другим княжеством.

Внутренняя и внешняя торговля предполагают наличие покупателя и продавца, специально отведенных мест торговли (торговых центров, складов, лавок, рынков), дорог, транспортных средств, торговых пошлин, налогов, таможен и карантинных.

Покупательский спрос в княжествах Абхазия, Имеретия и Мингрелия был, хотя и небольшой. Ремесла были развиты слабо, производство обыденных предметов удовлетворяло, зачастую, лишь спрос самого производителя и членов его семьи и рода. Сельского хозяйства как отрасли не имело. Каждый собственник земли (любой площади) выращивал столько зерна, сколько требовалось для пропитания его семьи до следующего урожая. Овощей и фруктов не выращивали, потому что все это произрастало в лесах, скота разводили мало. «Вялое развитие товарооборота и ремесел, малочисленное население должны были сказаться на состоянии торговли. Эта сфера, столь важная, столь необходимая абазгам [абхазам. — *Т. П.*], от которой они могли бы получать все непродовольственные товары, вовсе не принимается ими в расчет. Я не видел ни одного абазга, который бы вел торговлю или держал лавочку...»⁵.

Так, в Мингрелии «менее 1/20 части страны занимает обработанная земля, но и за столь небольшими участками ухаживают из рук вон плохо»⁶. На базары никаких продуктов земледелия не поступало. Собственных купцов, например, в Абхазии, имелось мало. «Самые богатые из них владеют капиталом, который не превышает 6000 пиастров⁷, а у большинства капитала и того меньше. У некоторых он оценивается всего в триста-четыреста пиастров...»⁸. Вместе с тем Гибаль не смог не отметить, что наиболее развитой в земледелии, садоводстве, огородничестве и виноделии, в развитии и разнообразии ремесел, а также в качестве ремесленной продукции, была Имеретия.

Центров внешней и внутренней торговли в регионе было совсем немного: в Абхазии торговля была сосредоточена в городе Сухум на Черноморском побережье и в расположенном неподалеку в горах селении Келасур, в Мингрелии — в городах Сенаки, Шарпань, Зугдиди и в порту Редут-Кале, в Имеретии — в селах Марань, Хони и в городе Кутаисе.

На внутренний рынок товары поставляли, прежде всего, маркитанты, купцы турецкого происхождения, русские матросы, солдаты и офицеры. Маркитантами были русские и местные жители, которые входили в состав гарнизонов русских крепостей. Гибаль уточнил, что купцы турецкого происхождения являлись потомками тех, кто еще при отце владетельного князя Сефер-бея или его предшественниках прибыл из разных уголков Турции в Сухум или Келасур на работу в качестве маркитантов, или теми, кто кочевал с места на место по побережью и в глубине страны и не имел постоянных торговых лавок. Таких купцов по его подсчетам в общей сложности было до сотни человек. Гибаль отметил небольшое число русских купцов и писал, что «русские негодьяны, прежде всего, маркитанты из Сухума, а порою и греки из Козлова [Евпатории. — *Т. П.*], завозят соль, железные изделия, шерстяные ткани,

стеклянные стаканы, котлы, деревянные чашки, немного соленой рыбы и сами их продают, но иногда нанимают турок. Взамен они увозят в Россию лесные орехи, каштаны, воск, мед, шкуры куниц и шакалов. Помимо этого, в Севастополь везут ореховое дерево, шкуры шакалов; морские офицеры, выезжающие из Сухума, нередко, запасаются вином и водкой. Ее изготавливают маркитанты здесь же в Сухуме, и она неприятна на вкус. Полагаю, что все товары, ежегодно вывозимые из Сухума и Келасура в Крым, можно оценить в 30 000 рублей, но даже и эта сумма, на мой взгляд, сильно завышена»⁹.

Пробираясь верхом на лошади по горным тропам и заснеженным перевалам из княжества в княжество, переходя вброд бурные потоки, блуждая по непроходимым лесам, если сбился с пути, и убедившись на собственном опыте, Гибаль отметил и записал, что сухопутных дорог, в подлинном значении этого слова, в княжествах не существовало, за исключением той из них, что была проложена по приказу генерала Ермолова и вела от Редут-Кале до Каспийского моря¹⁰. Так, добравшись до Кутаиса от казачьего поста Губис-Цкали, находившегося на одноименной реке, примерно, в 20–30 верстах от города, Гибаль записал, что «дорога была ужасной, завалена большими и маленькими камнями, стволами, и мы едва не потеряли нашего казака, который чудом не свалился в пропасть. Такая дорога тянулась приблизительно одну версту; уже давно спустилась ночь, когда мы добрались до переправы через реку. До рассвета было далеко, поэтому мы спешили и, оставив лошадей на берегу реки, переправились через Фазис [Риони] на каюке, который местные жители называют “нави”. Требуется большая ловкость, чтобы управлять таким суденышком, которое уносит и закручивает с огромной скоростью течение...»¹¹.

Для перевозки тяжелых грузов по суше в княжествах использовали местные повозки, но и для них пути сообщений между селами оказывались малодоступными. Так, в Абхазии, в которой, по мнению Гибалья, сухопутная торговля совершенно не развита и ограничивается обменом пушниной между жителями близлежащих селений, на повозке можно было проехать только по берегу моря от Пицунды до Соуксона. В основном грузы перевозили на спинах ослов и лошадей, а крестьяне для продажи на рынке приносили продукты на собственных спинах. «Для этого у них были приспособлены небольшие корзины из ивовых прутьев, которые закрываются сверху и в этом месте их диаметр составляет восемь футов, а нижняя их часть заострена. В такую корзину помещается до двадцати четырех ливров винограда (около 12 кг)»¹². К морской торговле местные жители не прибегали из-за отсутствия надежных судов и якорных стоянок на побережье.

Крупную морскую торговлю начинала вести Россия через специально созданный в устье реки Риони торговый порт Редут-Кале. Товары туда доставлялись морем из Одессы, Таганрога, Керчи на судах Черноморской флотилии и предназначались не только для гарнизонов крепостей, но развозились также по провинциям вверх по Риони вплоть до Тифлиса.

Относительно внешней торговли Гибаль записал, что во всех трех княжествах ее монополизировали турки с побережья Анатолии и из Трабзона. Собщая о том, что они «потихоньку прибрали к своим рукам ту ее долю,

которая должна была бы находиться в ведении местных жителей»¹³, Гибаль имел в виду торговлю абхазов с жителями горных княжеств Кавказа, имеретинцами и мингрелами.

Он представил описание традиционного в княжествах ведения внешней торговли. Ее центр, город Трабзон, находился за пределами княжеств и Российской империи, в Турции. Купцы осуществляли торговлю на турецких судах, которыми управляли турецкие капитаны. Ближе к берегу эти суда из-за опасности быть ограбленными нигде не подходили, кроме Поти и Батума. Основными поселениями, в которых купцы останавливались в подобных поездках, были Пицунда и селения, расположенные между этим местом и Соуксоном: Сухум, Келасур, Кодор, Скурджа, Илори, Гудава и устье Ингура. По дороге купцы заезжали и в селения, лежащие к северу от Гагры вплоть до Анапы, а также на юг от нее. Они высаживались с судов на берегу рек Ингура, Хоби, Риони и поднимались вверх по их течению.

Так, в Абхазии в течение всего года турецкие товары продавались только в Сухуме и Келасуре, и именно в эти центры съезжались абхазы, чтобы закупить необходимое и продать излишки, конечно, если такие у них имелись. Но рынки этих городов находились так близко друг от друга и, одновременно, весьма далеко от окраин страны, что купцы вынуждены были совершать выезды в другие места побережья Абхазии, жили в них по нескольку дней и возвращались только после того, как продадут все свои товары. Менее богатые среди них направлялись в селения, расположенные в глубинке, меняли там несколько унций соли или железо на воск и мед, а потом ехали обратно и продолжали вести свои дела. Торговая практика была настолько архаичной, что Гибаль увидел еще меновую торговлю, когда одни предметы меняли на другие, а если была разница в цене, то ее компенсировали доплатой денег. Курс турецких монет также определялся местными условиями, например, 1 русский серебряный рубль мог приравняться к 200 турецким парá (серебряная монета Турции или Крымского ханства, в хождении были монеты в 2 и 4 парá).

Помимо огнестрельного и холодного оружия, пороха, пуль, одеял, ножей, топоров, разнообразных тканей для женского платья (среди них встречаются и золототканые), тканей из грубого хлопка, мелочи вроде пуговиц, турецких пряжек, маленьких носовых платков, турецких чашек, небольших зеркал, курительных трубок, табака, медной посуды, изделий из сафьяна, красителей, ковров, шелка, домашней утвари, кофе, турецкие купцы с некоторых пор начали продавать абхазам анатолийскую соль, хотя раньше поставляли только соль из Крыма. Таким образом, они нарушали монополию на продажу соли из России. Взамен проданного турки вывозили из княжеств дары природы и шкуры животных. По поводу строевого леса Гибаль уточнил, что если прежде они закупали дерево ценного самшита, тиса, орешника и владели в Сухуме и его окрестностях верфью, на которой строили фрегаты, то в 1818–1819 гг. никакого леса они больше не покупали. Путешественник произвел подсчеты и отметил, что, например, из Абхазии ежегодно вывозится товаров на общую сумму в 150 000 руб. и примерно на столько же их привозится.

Торговые пошлины и налоги зависели от воли владетельных князей. Во время путешествия Гибалья с «русских купцов при совершении торговых сделок не взимают в Абхазии никакого налога, а турецкие и прочие иностранные торговцы платят в Келасуре небольшую пошлину князю Гассан-бею, но эта пошлина больше распространяется на право находиться в стране, чем на товары, например, на продажу рабов налагается фиксированная пошлина. Однако подарки, которые купец обязан поднести каждому князю, во владениях которого он торгует, приравняются к весьма высокому налогу. Маркитанты из Сухума, постоянно проживающие в стране, выплачивают этот налог наравне с другими купцами»¹⁴. И в Мингрелии, как заметил Гибаль, владетельный князь Дадияни¹⁵ «собирал небольшой налог с товаров в 1 % с товаров, ввозимых через Редут-Кале; от налога освобождались товары, изготовленные в России, или товары, привозимые на русских кораблях. По прибытии в Кутаис платили еще 1 % от стоимости 52 товаров или 52 парá с веса одной штуки сукна или металла. Рыба, икра шли за 160 парá с груза, перевозимого на лошади¹⁶, соленые судаки из Крыма — три рыбины в счет пошлины. За вино не платили никак... Далее, по прибытии в Тифлис имеретинские купцы обязаны были вновь платить пошлину, теперь в 1–1,5 %. Пошлины на вывоз товаров были приблизительно такими же»¹⁷.

Русские генералы, назначенные управляющими княжествами, стремились на своем уровне покончить с произволом князей в работе таможен, деятельность которых обеспечивали расквартированные русские войска, и наладить санитарный досмотр товаров. Но их намерения осложнялись некоторыми обстоятельствами. Например, Имеретия, небольшое по площади княжество, имела протяженную границу, и для проведения таможенного досмотра требовался, как писал Гибаль, значительный численный военный состав. Уклоняясь от уплаты пошлин, контрабандисты обходили и санитарные кордоны (карантины). «Тайная торговля турок в Гурии и Имеретии открывает двери не менее большим опасностям, которые очень трудно, даже почти невозможно предупредить. Князь Г[орчаков], сменивший генерала К...¹⁸ в должности губернатора Имеретии... надеялся покончить с незаконной торговлей, которую ведут вовсе не из стремления уклониться от уплаты таможенных пошлин, кстати, весьма умеренных, а чтобы избежать задержки товаров на карантине, которая обходится дорого, длится долго и сопровождается всякими неудобствами для купцов... Купцы не понимают пользы санитарных кордонов, видят в них только ущерб для себя: впрочем, это простительно столь необразованным людям...»¹⁹.

Если «в Редут-Кале имеется карантин: это небольшой деревянный сарай, в котором ограничиваются обрызгиванием благовымими всех приезжающих...»²⁰, то в таком крупном центре торговли как город Сухум никаких карантин не было: «...тем не менее, прибывающие суда в течение нескольких дней подвергаются досмотру, но эта мера совершенно обманчива... для предохранения от заразы здесь перешли на уксус...»²¹.

В существовавшем денежном обращении Гибаль отметил турецкие монеты (парá, бешлики, пиастры) и голландские дукаты. Однако русские деньги начали все-таки проникать на рынок. Он писал: «В Абхазии не чеканят

собственную монету; в ходу турецкие деньги, номинальная стоимость которых иногда меняется. Голландские дукаты и русские серебряные рубли имеют уже давно здесь хождение, вместе с тем, постепенно входят в обращение и более мелкие русские деньги, например, монеты в 5 копеек... Один серебряный рубль может приравняться по стоимости к одному бешлику в пять пиастров (примерно, двести парá)... и оценивается выше своего номинала... Мелкие монеты парá стоят недешево, потому что серебро, которое в них содержится, хотя и небольшого веса, имеет высокую стоимость; так что один парá уже чего-то стоит. Одна порция пороха, одна лепешка, пакетик табака стоят всего один парá, а абазг, проработав один день, может получить пять-десять парá»²². При этом из-за высокого содержания серебра русские рубли и монеты в 5 копеек, как и старинные турецкие парá, переплавляют и делают из них украшения или посуду, например, котлы.

В качестве вывода Гибаль отметил, что у русских в сфере торговли имеется то преимущество перед турками, что в их руках находятся товары, в которых абхазы ощущают необходимость, их много, и все они превосходят по качеству турецкие изделия, а российские торговые и военные суда обладают явным превосходством над турецким флотом. Напротив, турецкие купцы «...вергают абазгов в нищету: они не поставляют на местный рынок товары промышленного производства, их собственные капиталы не столь велики, они напичканы социальными и религиозными предрассудками и гнушаются закупать местные товары...»²³, производство которых могло бы развиваться в перспективную отрасль экономики.

В дальнейшем планируется продолжить поиски архивных документов и исследования биографии Поля Гибала, в частности, его деятельности в Коллегии иностранных дел, а также осуществить перевод с французского языка дневника его следующего, более длительного, путешествия, совершенного в тот же регион в 1820–1822 гг. совместно с французским подданным кавалером де Гамба.

Примечания

¹ Петерс Т. П. «Записки о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820» как исторический источник сведений о Крыме (опыт источниковедческого исследования) // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: Сб. науч. ст. Симферополь, 2016. С. 236–257.

² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895 (Записки неизвестного лица о путешествии по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818–1820).

³ Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибала. 1818–1819 / Сост., предисл., коммент., пер. с фр. яз., указ. Т. П. Петерс. М., 2017.

⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссиею. Т. 6, ч. 1. Тифлис, 1874. С. 646–652 (Письмо графа К. В. Нессельроде к генералу А. П. Ермолову с приложенной запиской Р. А. Скасси от 13 июля 1820 г.).

⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 15; Обзорение Крыма... С. 208.

⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 17; Обзорение Крыма... С. 273.

⁷ 1 пиастр = 8 реалам; на 1887 г. 8 реалов = 152 руб.

⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 15; Обзорение Крыма... С. 208–209.

⁹РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 15; Обзорение Крыма... С. 210.

¹⁰Одна из дорог, проложенных в период 1816–1827 г., когда генерал-лейтенант А. П. Ермолов был командиром отдельного Грузинского корпуса в звании главнокомандующего.

¹¹РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 18; Обзорение Крыма... С. 286–287.

¹²РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 17; Обзорение Крыма... С. 274.

¹³РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 15; Обзорение Крыма... С. 211.

¹⁴РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 15; Обзорение Крыма... С. 211.

¹⁵Дадиани Леван V (1793–1846), князь, из мингрельского княжеского рода, владетельный князь Мингрельский (1810–1846); его предок князь Григорий Дадиани в 1803 г. принял подданство России на правах вассального владетеля.

¹⁶Вьючная лошадь на сравнительно ровной местности выдерживает груз в 1/3 собственного веса, приблизительно в 120 кг.

¹⁷РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 22; Обзорение Крыма... С. 368.

¹⁸И. Д. Курнатовский, генерал-майор; был отставлен от должности управляющего Имеретией по возрасту; ему на смену пришел полковник Пузыревский 1-й; генерал-майор П. Д. Горчаков, в свою очередь, сменил полковника Пузыревского, убитого повстанцами на лесной дороге в середине апреля 1820 г.

¹⁹РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 17; Обзорение Крыма... С. 258–259.

²⁰РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 17; Обзорение Крыма... С. 258.

²¹РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 15; Обзорение Крыма... С. 220.

²²РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 15; Обзорение Крыма... С. 212.

²³РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2895. Гл. 15; Обзорение Крыма... С. 213.

Э. Г. Истомина

ТОРГОВОЕ СУДОХОДСТВО В ЧЕРНОМОРСКО-АЗОВСКОМ БАССЕЙНЕ В XIX в.

Развитие торгового судоходства и береговой инфраструктуры Черноморско-Азовского бассейна были тесно связаны с достигнутыми результатами в сфере международной политики России в конце XVIII в. В результате войны с Турцией по Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Россия получила выход к Черному морю с важнейшими морскими опорными пунктами (Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн). Черноморско-Азовский морской бассейн, пополнивший Северный, Балтийский и Каспийский бассейны, сыграл в истории России исключительно важную роль. Бухарестский договор с Турцией в 1812 г. закрепил за Россией участок Черноморского побережья Кавказа с г. Сухумом. Адрианопольский мир с Турцией в 1829 г. оставил за Россией черноморскую полосу от Анапы до Поти. Унклар-Искелесийский договор с Турцией 1833 г. дал право прохода русским военным кораблям через Дарданеллы, что сыграло свою роль в развитии купеческого мореплавания и в значительной мере отразилось на функционировании азовских портов. Наконец, в итоге Крымской войны 1853–1856 гг. по Парижскому трактату 1856 г. за Россией сохранилось Кавказское побережье Черного моря, но запрещалось держать военный флот и арсеналы его по берегам. Это положение было изменено русской дипломатией